

Л. Р. Сакаева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ТАТАРСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Многие фразеологизмы русского, английского, татарского и таджикского языков связаны с птицами. Фразеологизмы с компонентом-орнитонимом (птицей), могут дать ключ к пониманию национального характера народа, к его культуре и истории, а их сравнение с эквивалентами в других языках – понять и лучше узнать свой собственный, родной язык. Характерной чертой орнитонимов исследуемых языков является высокая степень идиоматичности и образности с сильным содержанием номинативности.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A ORNITHOLOGICAL COMPONENT IN THE RUSSIAN, ENGLISH, TATAR AND TAJIK LANGUAGES

Many phraseological units of the Russian, English, Tatar and Tajik languages are connected with the names of birds. Phraseological units with a ornithological (bird) component may furnish the clue to understanding of the nation's character, culture and history, and its comparison with equivalents in other languages help to understand and to know better one's own language. Characteristic features of ornithonyms in the investigated languages are the high extend of idiomaticity and figurativeness with high content of nominativity.

Человек с древнейших времен пытался проанализировать, описать окружающую его обстановку. В своем громадном большинстве идиоматические выражения создавались народом, поэтому они связаны с интересами и повседневными заботами простых людей. Животный мир всегда играл важную роль в жизни английского, русского, татарского, таджикского народов. Многие фразеологизмы исследуемых языков связаны с животными и птицами. Фразеологизмам свойственны юмор и житейская мудрость, а также пронизательный здравый смысл. Таким образом, фразеологизмы, связанные с птицами (орнитонимами), могут дать ключ к пониманию национального характера народа, к его культуре и истории, а их сравнение с эквивалентами в других языках — понять и лучше узнать свой собственный, родной язык. Многие из орнитонимов являются продуктом народного творчества и фольклорных традиций, библейских и художественных текстов, заимствований, пословиц.

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом орнитонимом привлекали и привлекают внимание лингвистов, их изучают с разных точек зрения: структуры, семантики, грамматических особенностей, изучается их многозначность, синонимические и антонимические отношения. Вопросы орнитонимов посвящены работы О. И. Богачевой, Н. А. Илюхиной «Опыт семантического анализа лексемы «ворона»

в русском языке» (1995), Б. Викторова «Птица певчая, птица ловчая» (1994), Л. Ю. Гусева «Орнитонимы в фольклорном тексте» (1996), М. В. Евстигнеевой «Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте» (на материале наименований птиц) (1998), Б. Земцова «Пернатая бонистика» (2000), И. И. Земцовского «Баллада о дочке пташке» (1963), Л. Е. Кругликовой «Белая ворона» (1987), В. М. Мокиенко «Гол как сокол» (1980), Н. Б. Нероновой «Коннотационный аспект изучения названия птиц в русском языке» (2000), А. И. Молоткова «Денег куры не клюют» (1996), О. Б. Симаковой «Лексико-семантическая группа «орнитонимы» (на материале русского и французского языков) (2004) и др.

Значение орнитонимов, употребляемых в речи весьма часто и широко, направлено на иносказательное обозначение человека, чаще всего метафорическое, стилистически подчеркнутое, наделенное явно экспрессивными семантико-стилистическими оттенками, потому фигуральное, содержащее элементы образности. Первоначально орнитонимы номинировали конкретные, связанные с ними явления. Но каждая единица словарного состава языка уже по самой своей природе подвержена полисемантизации, однако, прежде всего процессу подвергаются единицы, способные достаточно хорошо реализовывать номинативную семасиологическую функцию. Они и послужили основой полисемантизации.

Развитие созначений началось с градации понятий по шкале абстракции. Семантический процесс был непосредственным откликом на познавательный процесс и шел параллельно с ним. Разум, вырабатываемая категории абстрактных понятий, фиксировал их в лингвистических единицах, которые ранее номинировали конкретные понятия, ставшие отправным пунктом абстракции. Таким образом, древнейшие вторичные значения в микросистеме полисеманта – значения все усиливающейся абстрактности понятия.

В рамках этой статьи рассматривается последовательное выявление и описание культурно-символического значения компонентов-орнитонимов в составе английских, русских, татарских и таджикских ФЕ на основе их этимологического анализа; выявлению у этих народов понятийного, предметно-логического и логико-семантического восприятия данных реалий и отражение во фразеологизмах; выявление использования данных фразеологизмов в речи. Сопоставительное изучение фразеологических единиц с компонентом орнитонимом разносистемных языков представляется важным, поскольку именно фразеология является ценнейшим источником сведений о культуре, стереотипах народного сознания, отражающих представления того или иного народа о морали, привычках, обрядах, становясь достоянием языкового сознания. Выбор данного компонента неслучаен и обусловлен тем, что данные компоненты характеризуются высокой продуктивностью и широкими фразеобразовательными потенциями, они довольно многочисленны, обладают высокой частотностью употребления и образуют обширные ряды ФЕ русского, английского, татарского и таджикского языков.

В языковой картине русского, английского, татарского и таджикского языков задействованы птицы, участвующие в образной мотивации:

- Домашние птицы: hen, chicken – курица – тавык – мург, мурги хонагй, моки-

ён; goose – гусь – каз – коз, гоз; gander – гусак – ата каз – кози нар; duck – утка – үрдэк – урдэк, мургобй; cock – петух – этэч – хурус; drake – селезень – ата үрдэк–мургобии нар.

- Дикие птицы: bird – птица – кош – парранда, мург; sparrow – воробей – чыпчык – чумчук, гунчишк; magpie – сорока – саескан – акка, аккай думдароз, алошакшака; crow – ворона – карга, кара карга, ала карга – зоги ало, калог; lark – жаворонок – тургай, сабан тургае –чур, чаковак; rook – грач – каракарга – шурнул; hawk – ястреб – карчыга – пайгу, галевоч, заган; owl – сова – ябалак – бум, чугз; pigeon – голубь – күгэрчен – кабутар, кафтар.

Фразеологизмы с названиями птиц отражают:

1) внешний облик: рус. «черный как ворон»; тат. «ыштанлы тавык» (букв. «курица в брюках») – «женщина в брюках»; тат. «өрөп тутырган тавык кебек» в значении «толстый как бочка»; тадж. «зоги товустарош» – рус. «ворона в павлиньих перьях».

2) черты характера: тат. «этэч кураз» – «надменный, чванливый человек»; «этэч тэ күк, мин дэ күк» – «мнить себя пупом земли»; «этэч Фәһри (пәһри)» – «любителю похвастаться»; «кесәсендә ун тиен акча булса этэч булып кыскыра» – «транжира, хвастун»; «этэч Гали» – «человек с взрывным характером»; «chatter like a magpie» в значении «трещать как сорока»; тадж. «булбули гуё шудан» – рус. «заливаться соловьем» и др.;

3) интеллект: тат. «тавык мие эчкән нәрсә (кеше)» – «дырявая голова, куриные мозги, безмозглая курица», тат. «тавык хәтере» – «слабая прамьять, куриная память»; тат. «тавык бәкәленнән йөзү»; «тавык баш» – «куриные мозги, безмозглый»;

4) действия человека: англ. «be busy as a hen with one chicken».

Представление о птицах как о человеческих душах распространено по всему миру так же широко, как и мнение, что они являются воплощением божества предсказаний, бессмертия и радости. В некоторых

культурах птицы считаются предвестниками болезней — обычно это вороны, грифы. Однако более распространено мнение, что птицы — благоприятный знак. Считается, что птицы имеют контакт с божественными сферами и приносят послания оттуда, именно поэтому, например, кельты преклонялись перед ними. В представлениях людей птицы — это воплощение мудрости, интеллекта и молниеносности мысли. Во многих мифах, сказаниях и легендах птицы приносят полезные советы героям. В настоящее время — эмблема проницательности и книжной эрудиции, однако в некоторых древних культурах сова имела зловещий, ужасающий символизм. Английская поговорка «I live too near to a wood to be scared by an owl» (букв. «Я живу слишком близко к лесу, чтобы испугаться совы»), возможно, появилась в связи с этими представлениями. Названия птиц (орнитонимы) представляют большой интерес во всех исследуемых языках с точки зрения этимологии. Например, ассоциации совы с мудростью ведут свое начало из Древних Афин, где сова считалась атрибутом богини мудрости и учебы Афины Проники (Провидящей). От афинской традиции ведет свое происхождение и мудрая сова в европейских сказках и баснях и эмблематическое изображение мудрости — сова, сидящая на стопке книг, и идиома «ученая сова» в отношении ученых, мигающих, подобно этим птицам, за стеклами очков. Существует поверье, что Аллах посылает совам каждую ночь по два воробья из жалости, ввиду их ночной жизни, так как им трудно найти себе пропитание. Совы съедают одного, а другого отпускают на волю. Была, однако, сова, которая съедала обоих воробьев. Однажды к ней прилетела другая птица, и Аллах, думая, что сова поделится с ней, послал ей три воробья. Но жадная птица съела двух воробьев, а третьего припрятала про запас. Тогда Аллах рассердился и не посылал сове воробьев до тех пор, пока она не раскаялась. Это поверье отразилось в турецкой пословице «*Vaykusum kismeti*

ayagina gelir» (букв. «Счастье совы приходит к ее ногам» = Счастье приходит к тому, кто его заслуживает).

Гусь символизирует бдительность, болтливость, любовь, счастье в браке, верность. В Древнем Риме гусь был также связан с богом войны Марсом и стал триумфальной эмблемой бдительности после известного случая в 390 г. Тогда крики священных гусей из храма Юноны оповестили защитников Капитолийского Холма о нападении галлов: «*Geese save the Capitol*» (букв. «гуси спасли Капитолий»). В древнем Египте гусь считался посланцем богов, а также птицей, отложившей яйцо, из которого появилось солнце — «*kill the goose that laid the golden eggs*» (букв. «убить гуся, несущего золотые яйца, уничтожить источник обогащения»). В фольклоре гусь предстает в образе болтливой, несколько глуповатого существа: рус. «гусь лапчатый»; рус. «как с гуся вода» — англ. «*it is like water off a duck's back*» — тат. «каздан су төшкән сыман».

Гусь, утка, лебедь, другие водоплавающие птицы всегда выходят сухими из воды, а если их облить водой, хотя бы и из ведра, вода попросту скатится по перьям, не вымочив птицу. Факт этот был замечен давно и породил известный заговор, который произносят, купая малыша: «С гуся — вода, а с нашего Ванечки — вся худоба».

Употребляя русское ФЕ «гадкий утенок» говорят о ничем не примечательном человеке, чаще ребенке, у которого неожиданно для окружающих проявились какие-то достоинства, талант. Аналог этого ФЕ встречается и в английском языке — «*an ugly duckling*».

«...I was one of the wealthiest young men in Cornwall... The **ugly duckling** ... had become a splendid swan...». (S. Howatch)

Следующим примером может служить русское ФЕ «гусей дразнить» в значении «вызывать раздражение, зачастую бесцельно, злобу у кого-либо, задевать без нужды завистников, врагов». В татарском языке данное ФЕ имеет такое значение — «казларны котырту (үртәү)».

«Я всего менее намерен распространяться о современной литературе, во-первых, для того, чтобы не наговорить много о пустяках, а, во-вторых, чтоб не **раздразнить гусей**». (В. Белинский. Русская литература в 1847 г.)

Или другой пример:

«Абдулло, ки **гурги борондида** буд, табасум карда монд. Вай максади Мухторро фахмид». (Ф.Ф., 1, 242) – Абдулло, который был стреляный воробей, ухмыльнулся. Он понял намерение Мухтара.

«Ин пир **гурги борондида** аст...». (А. Ё., 184) – Этот старик – стрелянный воробей.

В английском языке это выражение звучит как «a wise (knowing) old bird». Данный фразеологизм возник в русском языке путем усечения пословицы «Стреляного воробья на мякине не проведешь». В этой пословице обыграны реальные наблюдения над повадками воробьев: в поисках пищи воробей никогда не полетит к обмолоченным хлебным колосьям (мякине). Во всех четырех языках данное выражение употребляется при описании опытного, бывалого, осторожного человека, которого трудно перехитрить или обмануть, застать врасплах или запугать.

Или, скажем, другой пример: рус. «глухая тетеря» – англ. «deaf woodcock»; «deaf as a post (an adder, a stone)»; «stone deaf». Как образно писал С. Т. Аксаков в своих «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии», этой всем известной укорительной поговоркой потчуют того, кто, будучи крепок на ухо или по рассеянности, чего-нибудь недослышал.

Выражение это имеет грубоватый оттенок, однако употребляется часто и охотно. Однако этот перенос названия с птицы на человека, как полагает писатель-охотник не является законным, так как распространенное мнение о глухоте глухого тетерева «совершенно ошибочно... Глухарь, напротив, имеет необыкновенно тонкий слух, что знает всякий опытный охотник». Семейство тетеревиных, в которое кроме тетеревов входят куропатки, рябчики, глу-

хари и другие крупные дикие птицы, ценно в промысловом отношении. В выражении «глухая тетеря» речь идет о так называемом глухом тетереве, который, по наблюдениям охотников, во время токования (брачного пения, привлекающего самок–тетерок) не слышит ничего вокруг. Именно поэтому тетеревиный ток (место токования тетеревов) привлекает особое внимание охотников: легко незаметно приблизиться к птицам.

Зоонимы «курица», «цыплята», «кура», «хохлатка», «несушка» являются одними из распространенных в русском, английском, татарском и таджикском языках. В русском языке отмечены: «курам на смех», «кура лапой писала», «мокрая курица», «куриным умом», «куриная слепота», «кур воровать», «кур щупать», «яйца курицу учат», «как курица с яйцом носится», «денег куры не клюют», «курица не птица», «курья голова» и др. В таджикском языке зафиксировано «мурги паруболрехта» в значении «мокрая курица», в английском языке наблюдается замена компонента – англ. «like a dying duck in a thunderstorm»; тадж. «мисли мурги посухта» в значении «в панике, переполошившись, как угорелый, как ужаленный, как безумный». Так говорят о жалком на вид, вялом, нерешительном человеке, который начинает паниковать или пасовать при первой же трудности; о безвольном человеке, чей внешний вид не вызывает ничего, кроме смеха и презрительной жалости. В татарском языке также широко представлены ФЕ с зоонимом «курица»: «тавык баш» (букв. «куриная голова») в значении «идиот, глупый человек»; «бүрекле тавык» (букв. «курица в шапке») в значении «женщина с мужскими замашками»; «тавык йөрөк» (букв. «куриное сердце») в значении «заячья душа, трусливый человек»; «каткан тавык» (букв. «замерзшая курица») в значении «мерзлячка»; «күшеккән тавык» (букв. «продрогшая курица») в значении «ни то, ни се; ни рыба ни мясо»; «тавык сыман артка тырмау» (букв. «скрести землю, как курица, назад»)

в значении «топтаться на месте, не двигаться вперед». Рус. «слепая курица» — англ. «<as> blind as a bat (as a brick— bat, as a beetle, as a mole, as an owl)» (о плохо видящем человеке); рус. «носиться как курица с первым яйцом» — англ. «fuss over smb., smth. like an old hen»; «brood over smth. like a hen over an egg» (уделять излишнее внимание тому, кто такого не заслуживает, так говорят о человеке, поднимающем невероятный шум и суматоху из-за дела, которое и выеденного яйца не стоит); рус. «куриные мозги» или «куриный ум» или «курья голова» (о глупом человеке).

Фразеологическая единица «как курица лапой (писать, написать)» представлена и в английском языке — «smb's writing is like chicken tracks», и в татарском языке — «тавык аяклары кебек язылган». Это характеристика неразборчивого почерка, невнятных каракулей. Когда курица топчется на одном месте, выискивая корм или у кормушки с кормом, то разобрать отдельных следов лап практически невозможно, вероятно отсюда и пошло сравнение с неразборчивым почерком. В целом злая характеристика, подразумевающая в глубинном подтексте, что человек не просто писать, как следует, не умеет, но и попросту глуп, как курица. Умение красиво писать являлось необходимым в первые века появления письменности, книги в то время переписывались от руки особым крупным шрифтом (уставом), в котором каждая буква выписывалась отдельно и очень тщательно. С развитием книжного дела и письменности письмо проникло во все сферы жизни и деятельности человека.

В русском языке встречается ФЕ «денег куры не клюют». Это выражение возводят к восточным гаданиям. В курятнике или избе клали золотое, серебряное или медное кольцо, а также другие предметы и определяли, насколько богат будущий муж девушки. Он предполагался богатым, если куры клевали золото. Если принять эту гипотезу, оборот вначале должен был озна-

чать «небогат», а затем ввиду того, что этот вид гадания был повсеместен и не всем точно знаком, выражение развило противоположное значение под влиянием впечатления от поведения кур, которые не клюют зерно только тогда, когда корма очень много и они сыты. [6, с. 328]

Для русского и английского фольклора традиционным является противопоставление «курица(hen)»-«петух(cock)», подразумевается «женщина»-«мужчина» и обычно иронично толкуется как «наличие недостатков» — «наличие достоинств»: рус. «не петь курице петухом, не быть бабе мужиком»; рус. «бывает и курица петухом поет»; рус. «курице не петь петухом, а и петь, так на свою голову». Такие выражения строятся по следующему сюжету: курица хочет стать петухом, но не может, а если и может, то это приносит беду. В английском языке примерами могут служить: «cock-and-hen club» (букв. «клуб петуха и курицы») в американском английском означает «клуб, куда допускаются и мужчины и женщины»; «hen party» (букв. «вечеринка кур») означает вечеринку, на которую собираются женщины, чтобы посплетничать.

Сопоставительный анализ показывает, что своеобразие языковых традиций употребления компонентов орнитонимов в качестве компонентов пословиц и поговорок есть яркое проявление национального лингвистического своеобразия. Особенно это характерно для таджикского языка: «Аз чумчук тарсй арзан макор» (букв. «Если боишься воробьев, не сей проса») в значении «Волков бояться, в лес не ходить»; «Хар киро товус бояд чабри Хиндустон кашад» (букв. «Кому нужен павлин, должен пережить трудности путешествия в Индию») в значении «Любишь кататься, люби и саночки возить»; «Арзанро гунчишк мехураду калтакро бедона» («Просо съели воробьи, а досталось перепелке») в значении «В чужом пиру похмелье»; «Гунчишкро кй кушад? — Кассоб (букв. «И воробья должен мясник резать») в значении «Дело мастера

боится»; «Зоге агар ёбад гуле, худро шуморад булбуле» (букв. «Коль найдет ворона розу, мнит себя уж соловьем») в значении «Не все то золото, что блестит». Однако, встречается и в русском, и в английском, и в татарском языках «Ворона под пару вороне, а сорока — сороке»- «Birds of a feather flock together» в значении «Рыбак рыбака видит издалека»; «Тавык йомырка салмаган, чебешлэрне сатарга уйлый» в значении «Делить шкуру неубитого медведя»; «He that would have eggs must endure the cackling of hens» в значении «Любишь кататься, люби и саночки возить».

Таким образом, характерной чертой орнитонимов исследуемых языков является высокая степень идиоматичности и образности с сильным содержанием номинативности. Это приводит к тому, что сходные по денотативным значениям зоонимы в разных языках отличаются образностью, так как ассоциативные представления о птицах в различных языках не совпадают. Случаи совпадения восходят либо к общему для исследуемых языков источнику, либо являются следствием единого восприятия мира, сходных культурных, национальных и исторических особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богачева О. И., Илюхина Н. А.* Опыт семантического анализа лексемы «ворон» в русском языке // Язык и культура. — Уфа, 1995. — 123 с.
2. *Брагина А. А.* Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте. — М.: Русский язык, 1981. — 548 с.
3. *Гусев Л. Ю.* Орнитонимы в фольклорном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 1996. — 183 с.
4. *Евстигнеева М. В.* Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте (на материале наименований птиц): Дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 1998. — 201 с.
5. *Илюхина Н. А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. — Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1998. — 204 с.
6. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. — СПб.: Фолио-пресс, 1999. — 461 с.
7. *Симакова О. Б.* Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. — Орел, 2004. — 24 с.